

На следующее утро я проснулась с похмельем, угрожающим жизни. Прошло несколько минут до того, как я начала нормально мыслить, и события прошлой ночи вновь затопили мое сознание. Внезапно, каждый раз, когда я закрывала глаза, я видела лицо женщины, которую я сбила прошлой ночью, в Высокой Четкости.

Я слишком внезапно поднялась с постели и упала обратно на кровать, стонав от боли. Прошла минута или две до того, как комната перестала вращаться, и я поднялась намного медленнее. Я взглянула на сторону кровати Дуга. Там его не было.

Моя память все еще была нечеткой. Но я припоминаю, как Дуг умолял меня взять такси домой, а потом кричал на меня снова и снова, чтобы я притормозила, а потом остановилась и припарковалась.

Но, конечно, я не позволю никому указывать мне, что делать.

Я намного более упряма, нежели привлекательна, когда я трезвая. Когда я не трезвая... ну, когда я не трезвая, я невыносима.

Я разделась и зашла в ванную. Я приняла три таблетки Тайленола. Я воспользовалась туалетом, а потом долго принимала горячий душ. Я очень долго чистила зубы. К тому времени я уже почти чувствовала себя человеком, пока свет был тусклым, а в комнате было тихо. Я вернулась в спальню и натянул на себя пару шорт и футболку.

Я спустилась вниз, где нашла Дуга на кухне. Он пил кофе и читал газету. Я не смогла прочитать выражение его лица, когда он посмотрел на меня. Я знала, что это значит. Он злится. Дуг избегает конфликтов, когда он расстроен. Он тихо злится. Он не сказал ни слова, и я испугалась.

Я налила чашку кофе и села напротив него за кухонным столом. Он смотрел, как я делаю глоток кофе, а затем бросил передо мной на стол 1 раздел газеты.

Я была главной историей. Верхняя часть складки. Большие заголовки кричали о сбитии и побеге. Там была фотография женщины, которую я сбила. Её положили на больничную койку. Она не была завернута в бинты, как мумия, но не похоже, что она скоро будет играть в теннис.

Она была в хорошем состоянии, сбежала только со ссадинами и ушибами, без других внутренних повреждений. Они держали ее в больнице на ночь для наблюдения. Все, что она могла помнить, это то, что белый автомобиль свернул с дороги и направился прямо к ней на тротуаре, как будто водитель намеревался переехать ее. Единственное, что она помнила, это то, что за рулем была женщина. Все остальное было размыто.

Я закончила историю и посмотрела на Дуга. Я не могла вынести этого обвинительного взгляда. Я отвернулась и прошептала: "Простите. Я... что ты хочешь, чтобы я сказала?!"

Спокойным голосом он ответил: "Ты должен сдаться. Позвони нашему адвокату. Расскажите ему, что случилось, и пусть идет с вами в полицию."

"Я не могу этого сделать!!! Дуг! Я сяду в тюрьму!"

Он вздохнул и ответил: "Может быть. Наверное. Может быть, это поможет тебе разобраться с этим. Брук, ты же знаешь, они найдут тебя, если ты не сдашься. Мы не настолько хитры, чтобы сбежать от чего-то подобного. Если им придется прийти и поймать тебя, все будет намного хуже."

"Я обещаю, что буду поддерживать тебя всем, чем смогу. Я буду рядом. Я буду ждать тебя. Я все еще люблю тебя. Но прошлой ночью ты сделала нечто ужасное. Теперь ты должна поступить правильно. Пришло время тебе повзрослеть и взять на себя ответственность за свои поступки".

Я уставилась на него на мгновение. Я видела, что он был искренним. Я знаю, что он любит меня. Но я никак не могла провести в тюрьме почти десять лет своей жизни. Мне всего двадцать шесть лет. Это должны быть одни из лучших лет моей жизни! Мне было бы почти сорок к тому времени, как я выйду из тюрьмы. Намного старше, если бы они одобрили ее историю о том, что я собираюсь ее переехать. Это совершенно другой уровень преступности.

Я знала, что Дуг был прав. Сдаться - это правильно. Но это невозможно. Я не настолько сильна. Я не могу заставить себя сделать этот звонок, даже если бы хотела. Я сожалею о том, что сделала прошлой ночью. Но я не могу сесть в тюрьму.

Я также знала в своем сердце, что хотя он знал, что это правильно, и он знал, что это может в конечном итоге запятнать его, но он не сдаст меня. Вероятно, это был единственный набор обстоятельств, при которых он не стал бы делать то, что знал, что это правильно. Но он был очень расстроен и, очевидно, был разочарован во мне. Я не могу сказать, что не понимаю, что он чувствует. Я знаю, как сильно я облажалась прошлой ночью.

Мы долго не разговаривали. Дуг был в гневе, но он один из тех мужиков, которые не ругаются. Он просто держит все в себе, пока не взорвется, за исключением того, что он никогда не взрывался. Он сказал то, что хотел сказать. Теперь все зависело от меня.

Я отодвинула газету обратно на другой конец стола. Я не могла смотреть на нее. Я встала и пошла в гараж, чтобы посмотреть, как сильно пострадала моя машина. Это было довольно плохо. Удивительно, но моя машина, кажется, была в худшей форме, чем женщина, которую я сбила!

Правое крыло и передний бампер нужно было заменить. Но не в ближайшее время и не в какой-нибудь ремонтной мастерской в этом районе. Но сейчас я не могу об этом беспокоиться.

Я повернулась, чтобы вернуться в дом, когда мне вдруг пришла в голову страшная мысль. Что

если кто-то с вечеринки позвонит в полицию и расскажет обо мне. Они все знают, что я вожу белую машину. Они все знают, что авария произошла между моим домом и домом, где проходила вечеринка. И некоторые из них, по крайней мере двое моих друзей, знают, что я была пьяна, когда уходила.

Внезапно мне стало трудно дышать. Я знала, что Дуг был прав. Я должна немедленно позвонить нашему адвокату и все ему рассказать. Но я не смогла этого сделать. Если бы я сделала этот звонок, то большую часть следующего десятилетия провела бы в тюрьме. Я думаю... нет, я знаю, что лучше умру.

Остаток воскресенья мы с Дугом провели в отдельных комнатах. Днем он готовил себе что-нибудь поесть. Я была слишком напугана и с похмелья, чтобы есть.

В понедельник я встала и приготовилась к работе, но в последнюю минуту я поняла, что не смогу ни с кем встретиться в офисе. Я сказала Дугу, что слишком больна, чтобы идти на работу. Ему показалось даже легче, что я останусь дома.

Он уехал без поцелуя и без прощания. Я сидела за кухонным столом и плакала. Мне было еще хуже от того, что я поняла, что мне жаль себя, а не бедную женщину, которую я сбила своей машиной.

Я ещё сидела за столом почти два часа подряд, но дверной звонок зазвонил. Я сразу запаниковала. Я знала, что меня арестует полиция. Я вытерла глаза и медленно направилась к двери. Я не слышала ни сирен, ни мигающих огней через окно гостиной, но у меня было мысленное изображение моего дома, окружённого отрядом спецназа и снайперами на каждой крыше. Некуда было бежать.

Я почувствовала облегчение и очень удивилась, когда открыла дверь и обнаружила парня, который живет через дорогу, стоящего напротив и выглядящего очень самодовольно из-за чего-то.

Обычно я, наверное, просто сказал бы ему свалить и хлопнул дверью в лицо. Он грубый, несносный, неосмотрительный, самовлюбленный молодой преступник. У меня нет сил терпеть его в один из моих хороших дней. Сегодня был не самый лучший день.

Я собиралась спросить его, какого черта он хочет, когда он прошел мимо меня. Он спокойно прошел через мое маленькое фойе и в мою гостиную. Проходя мимо меня, он сказал: "Я подумал, что сегодня ты можешь остаться дома вдали от работы. Я был так уверен в этом, что прогулял учебу, чтобы мы могли... поговорить".

Он положил на пол перед телевизором брезентовую сумку чуть меньше, чем рюкзак, полностью игнорируя меня.

Я была слишком шокирована, чтобы даже сначала потребовать, чтобы он убрался из моего

дома. Я стояла, держа дверь открытой и хлопала, как идиотка. К тому времени, как я взяла себя в руки, он включал мой телевизор и DVD-плеер, как будто он живет здесь!

В конце концов, я закричала: "У ТЕБЯ ЧЕРТОВСКИ КРЕПКИЕ НЕРВЫ! УБИРАЙСЯ К ЧЕРТУ ИЗ МОЕГО ДОМА, ПОКА Я НЕ ВЫЗВАЛА ПОЛИЦИЮ!!!"

Он даже не взглянул наверх. Он усмехнулся и спокойно ответил: "Ты можешь позвонить им, если хочешь. Но я думаю, тебе стоит сначала взглянуть на это."

Хотя только 18-летний мальчик ростом не менее 6 футов, возможно, ближе к 6 футов 2. Очевидно, что его тело достаточно созрело за последние два года. Но я его не боялась. Наверное, потому, что я знаю, кто он и где живет. Или, может быть, я не боялась, потому что он не представлял физической угрозы. Пока нет.

Я вошла в гостиную с намерением вышвырнуть его. Может, он и больше, но я на десять лет старше его. Я взрослая, и несмотря на его размер, он все еще ребенок. Я отказываюсь терпеть это возмутительное поведение. Наглость с его стороны! Врываться в мой дом и чувствовать себя как дома!

Я ворвалась в гостиную с намерением физически выгнать его из моего дома. Я дотянулась до рукава его футболки, когда мерцающее изображение на телевизоре привлекло мое внимание. Я задохнулась от шока и вдруг поняла, откуда у него хватило наглости ворваться так, как он это делал. Вчера вечером я проехала по нашей улице с одной фарой, подвешенной за провод, и сильно раскачивалась, потому что машина поворачивала с одной стороны улицы на другую, очевидно, что ею управлял кто-то, кто был чрезвычайно пьян.

Я отчетливо видела, как я веду машину, когда притормозила и свернула на свою дорожку. Там даже были кадры, на которых я чуть не упал на задницу, когда вышла из машины, прежде чем пьяным плетением пробилась к входной двери. Алкоголь в моем организме к тому времени действительно поразил меня. Я шла почти так же, как вела машину, только умудрившись остаться на тротуаре.

Видео было очень коротким. Оно длилось всего две или три минуты. За этим последовала коллекция стоп-кадров, крупный план повреждений моей машины. На крыльях было даже несколько четких снимков маленьких пятен крови. Он был достаточно внимателен, чтобы получить красивую четкую фотографию моего номера.

Я не могла говорить. Я не могла дышать. Я начала падать в обморок на пол.

Он поймал меня прежде, чем я успела упасть. Я услышала в его голосе веселье, когда он сказал: "Ты скоро встанешь на колени, сука. С этого момента ты будешь проводить много времени на коленях. Твоя задница моя. Твоя задница и твоя пизда, и твой умный, членососущий рот, теперь все они принадлежат мне."

"Но прежде чем ты сделаешь мне первый минет, я хочу, чтобы ты сняла эту одежду. Мне нравятся мои голые хуесосы. И я должен быть честен. Как бы я ни ненавидел твою нервную, расистскую задницу, я хотел залезть к тебе в штаны с тех пор, как впервые увидел тебя, когда мне было двенадцать или тринадцать лет. В первый раз, когда я взбил свое мясо, я думал о твоём обнаженном виде".

Он посмотрел на меня и сказал: "Ты горячая маленькая сучка. А я никогда не трахал белую суку".

<http://tl.rulate.ru/book/247/1495>